

Юнь Мэнцзэ подозвал медсестру, чтобы та увела остальных пациентов. В кабинете остались только они вдвоём. Вертя в руках фигурку львёнка, врач повернулся к Фэн Дунъюэ:

— До меня с вами работали три психотерапевта и пять психиатров. Я — шестой. Неужели вы верите, что следующий специалист чем-то поможет?

— Не поймите неправильно, — спокойно возразил Фэн Дунъюэ. — Дело вовсе не в вашей компетентности, и я не рассчитываю найти кого-то более умелого. Напротив, с моим случайным состоянием вы справляетесь куда лучше всех предшественников.

— В таком случае зачем менять врача?

Фэн Дунъюэ задумчиво постучал пальцами по столу, взвешивая слова, и лишь потом ответил:

— Вы слишком обаятельны, доктор Юнь.

Юнь Мэнцзэ едва удержался от изумлённого вздоха.

— Прежде ничего подобного со мной не происходило, — продолжал Фэн Дунъюэ. — И хотя я ненадолго теряю контроль над телом, всё произошедшее ощущаю в полной мере. Этот человек... или, вернее, эта личность пылает к вам глубоким чувством. В ваше отсутствие все его мысли заняты вами, а когда вы рядом, ему стоит огромных усилий подавить влечение. И если его выбить из колеи, боюсь, он может навредить своему врачу. Как, к примеру, минуту назад. Не верни я себе контроль вовремя, он бы вас поцеловал. Но ведь это, как-никак, моё тело...

Юнь Мэнцзэ снял очки и сдержанно принялся протирать стёкла:

— Можете быть спокойны, господин Фэн. Соблюдение эмоциональной и физической дистанции с пациентами — мой непреложный профессиональный принцип и врачебная этика. Раз уж вы утверждаете, что полностью осознаёте происходящее во время приступов, то как сами оцениваете своё состояние?

Фэн Дунъюэ не стал отвечать напрямую, а вместо этого рассказал древнюю буддийскую притчу.

Путник заночевал в заброшенной лачуге. Полночью туда явился людоед, приволок труп и уселся ужинать. Следом ворвался второй людоед и заявил, что добыча принадлежит ему.

Разразился спор. Заметив человека, монстры заставили его рассудить их. Не имея выбора, путник честно признался: мертвеца принёс первый людоед.

Разъярённый второй монстр тут же оторвал бедняге левую руку. Первый, заступаясь, оторвал руку у трупа и приживил её путнику. Один рвал, другой пришивал — и вскоре от собственного тела путника не осталось ничего, всё заменили куски мертвеца.

Сожрав оторванные плотские остатки, людоеды убрались восвояси, оставив человека в полном замешательстве.

Кем же он теперь был — собой или тем самым мертвецом?

Обстановка в кабинете располагала к умиротворению. Голос Фэн Дунъюэ звучал сдержанно, но в его глубоком, бархатистом тембре и небрежной интонации крылось редкое обаяние. На мгновение Юнь Мэнцзэ даже забыл, что перед ним сидит тяжелобольной человек.

— В этом мире слишком многое не поддаётся простым объяснениям, — подытожил Фэн Дунъюэ, завершив притчу. — Одни врачи утверждали, будто всё это лишь бред и попытка через смену ролей сбросить груз реальности. Другие диагностировали параноидную шизофрению с расстройством восприятия и мышления. Третьи и вовсе твердили о диссоциативном расстройстве идентичности. Если уж сами светила медицины не способны прийти к единому мнению, то что возьмёшь с меня, дилетанта?

Юнь Мэнцзэ с улыбкой оценил этот изящный пассаж.

«И ведь как закрутил! В лексиконе этого господина слова "не знаю" явно отсутствуют как класс».

Сверившись с часами, врач поднялся:

— Что ж, пора обедать. Позже я свяжусь с госпожой Фэн и попрошу её приехать. Поговорим втроём.

— Она терпеть не может проводить со мной время, — убеждённо отрезал Фэн Дунъюэ. — К тому же сейчас вне себя от злости. Ни за что не приедет.

— Пока не попробуем — не узнаем, — улыбнулся Юнь Мэнцзэ.

Поручив медсестре проводить пациента, доктор отправился в служебную столовую. Взяв скромный обед, он устроился в тихом уголке и невольно погрузился в размышления.

У Юнь Мэнцзэ закрадывалось подозрение, что у самого так называемого «игрока-завоевателя» не всё в порядке с головой. Иначе с чего бы тому с такой святой уверенностью плести нелепые сказки? В его поведении не проскальзывало ни тени фальши — похоже, парень и впрямь верил в собственное бредовое сочинение.

Сам же Фэн Дунъюэ был убеждён, что страдает расщеплением личности, причём каждое его «эго» обладало собственным знаком зодиака. Именно из-за этого он и запер себя в санатории. Юнь Мэнцзэ за свою практику не бросил ни одного больного и передавать Фэн Дунъюэ кому-то другому не намеревался. Оставишь его сейчас — и тот уже никогда не поправится.

После полудня в саду зоны посещений было тихо. Фэн Дунъюэ сидел на скамейке и увлечённо складывал оригами, а Фэн Сяовэй, скрестив руки на груди, стояла неподалёку с выражением полного отвращения и досады на лице.

Отвращение вызывала сама картина: девушка рассчитывала закатить дяде полноценный скандал, а вместо этого вынуждена была наблюдать, как тот молча возится с бумажками, точно воспитанник детского сада. Для импульсивного Овна подобная пытка молчанием была невыносима.

А досадовала она на саму себя. Ведь ещё утром поклялась, что скорее сбросится с крыши и сгинет на чужбине, чем снова переступит порог этой клиники.

Что ж, за зарекания всегда приходится платить.

Обладая чуткой интуицией, Фэн Дунъюэ мгновенно уловил витавшее вокруг раздражение, но не удержался от подколки:

— Когда Ли Юй звонил тебе, ты, кажется, заявляла, что не приедешь даже под страхом смерти?

— А ты решил, будто я ради тебя припёрлась? — огрызнулась Фэн Сяовэй.

Ей и вправду не хотелось сюда ехать, пока не раздался звонок от Юнь Мэнцзэ. Узнав, что лечащим врачом дяди стал её кумир, она просто не могла не примчаться в ту же секунду.

— Я приехала к доктору Юню!

Фэн Дунъюэ с глубокомысленным видом кивнул:

— Тебе и впрямь не помешает показаться врачу.

—... Думаешь, у меня тоже крыша поехала?!

Фэн Дунъюэ окинул взглядом её длинные открытые ноги и строгим тоном заботливого

родственника заметил:

— Юбка слишком короткая.

Фэн Сяовэй лишь саркастично хмыкнула:

— Старый сухарь! Ретроград! У меня есть юбки ещё короче, так и знай!

В этот момент мимо проходил Е Чжэнь. Фэн Дунъюэ указал на него пальцем:

— Видишь вон того медведя?

Костюм Кумамона с его недоуменным взглядом, глуповатой улыбкой и круглыми алыми щеками выглядел одновременно трогательно и комично. Фэн Сяовэй обожала этого персонажа, поэтому тут же расплылась в умилённой улыбке:

— Какая прелесть!

— Надень на голову такую же маску, когда выходишь из дома, — предложил Фэн Дунъюэ. — Хотя бы людей смущать не будешь.

Фэн Сяовэй лишилась дара речи. Заводить разговор с дядей с самого начала было огромной ошибкой.

Сгорая от досады, она направилась к Е Чжэню:

— Здравствуйте! Я просто обожаю Кумамона! Можно с вами сфотографироваться?

Е Чжэнь замер и долго колебался. Когда девушка уже решила, что получит отказ, парень едва заметно кивнул.

Обрадованная Фэн Сяовэй встала рядом, сделала снимок и тут же показала результат:

— Вышел чудесный кадр! Если мне что-то нравится, я просто не могу пройти мимо. Спасибо вам большое!

Её искренняя улыбка невольно располагала к себе. Е Чжэнь неловко махнул рукой:

— Не за что... Я пошёл. До свидания.

Фэн Сяовэй подумала, что у него очень приятный голос. Должно быть, и сам парень симпатичный, вот только под маской ничего не разглядеть.

Вернувшись к скамейке, Фэн Сяовэй предпочла отмолчаться. Дядя и племянница застыли неподвижно: один демонстрировал ледяное равнодушие, другая — мрачную отстранённость, будто два совершенно чужих человека.

Внезапно девушка встrepенулась и принялась взволнованно махать рукой кому-то вдалеке:

— Доктор Юнь! Вы здесь!

Фэн Дунъюэ, привлечённый её фанатским восторгом, поднял взгляд и посмотрел через затопленный полднем солнцем газон. Одинаковые халаты медиков всегда вызывали у него искушение едко пошутить про ожившие рулоны туалетной бумаги, однако на Юнь Мэнцзэ эта белоснежная одежда смотрелась безупречно.

Увидев лучащуюся энергией девушку, Юнь Мэнцзэ невольно улыбнулся. Разговор по телефону состоялся совсем недавно, и доктор никак не ожидал встретить её так быстро. Дорога от центра города до искусственного острова даже на такси занимала не меньше сорока минут, если не считать пробок. Она что, на ракете примчалась?

Но не успел он сделать и нескольких шагов навстречу, как к его ногам что-то подкатилось и слегка ударило о голень.

Это была та самая маска Кумамона — слегка измазанная в траве, с прежней глуповатой улыбкой. Юнь Мэнцзэ проследил за её траекторией и увидел Е Чжэня. Тот сидел на корточках прямо на газоне, обхватив голову руками и пытаясь, точно страус, уткнуться лицом в землю. Перед ним стоял импозантный мужчина в дорогом костюме и бесцеремонно пытался вытащить его наверх.

Даже издали ощущался панический страх, охвативший юношу. Юнь Мэнцзэ ускорил шаг и преградил мужчине путь:

— Господин Шэнь, вы не имеете права принуждать пациента. Я ведь предупреждал: в ближайшее время вам следует воздержаться от визитов, чтобы не провоцировать срывы.

Шэнь Сяньчжэ надменно нахмурился, в его взгляде читалось привычное превосходство:

— Он просто капризничает! Вся эта выходка — лишь попытка выбить меня из колеи и заставить чувствовать вину. Я уже принёс извинения, чего ещё ему от меня надо?!

Заслонив Е Чжэня собой, доктор Юнь твёрдо произнёс:

— У пациента официально диагностированы тревожное расстройство, социофобия и нервная булимия. Он не способен контролировать свои эмоциональные реакции и делает это вовсе не ради привлечения внимания. Пожалуйста, успокойтесь и покиньте территорию...

— Да вы хоть знаете, кто он такой?! — перебил его Шэнь Сяньчжэ и попытался оттолкнуть врача с дороги. — Своим никчёмным поведением он калечит собственное будущее! Прочь с дороги, мне нужно с ним поговорить!

Возглавляя крупную строительную корпорацию, Шэнь Сяньчжэ привык к власти и беспрекословному подчинению, а потому и с простым врачом церемониться не собирался.

Юнь Мэнцзэ не отступил ни на шаг, закрывая собой дрожащего юношу:

— Он находится в крайне нестабильном состоянии и явственно выражает протест. Я запрещаю любые контакты в настоящий момент.

Окончательно потеряв терпение, Шэнь Сяньчжэ протянул руку, намереваясь схватить упрямого медика за грудки и проучить за дерзость.

Однако пальцы так и не коснулись халата. Чья-то стальная хватка мёртво сжала его запястье. Кости хрустнули с такой силой, будто их вознамерились перемолоть в порошок. Побледнев от нестерпимой боли, Шэнь Сяньчжэ резко повернулся, собираясь выплеснуть брань, но, узнав стоящего перед ним человека, моментально проглотил проклятия:

— Господин Фэн?.. Откуда вы здесь?

— Я приехал сюда отдохнуть и привести мысли в порядок, — Фэн Дунъюэ смерил его ледяным, полным презрения взглядом. Голос его звучал обманчиво спокойно: — Суэта и шум меня раздражают, поэтому прошу вас, глава Шэнь, подберите под ноги собственное достоинство. И самое главное — не смейте распускать руки в присутствии моего лечащего врача. Иначе у меня испортится настроение.

<http://bllate.org/book/20119/1991968>